

5. Уголовный кодекс Латвийской Республики от 8 июля 1998 года [Электронный ресурс]. 2001. Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID> (дата обращения: 21.08.2010).
6. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-ПГ [Электронный ресурс] // База данных «Законодательство стран СНГ»: версия SPI200 / СоюзПравоИнформ 2003–2010.
7. Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апреля 2003 года № ЗР-528 [Электронный ресурс] // База данных «Законодательство стран СНГ»: версия SPI200 / СоюзПравоИнформ 2003–2010.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З [Электронный ресурс] // База данных «Законодательство стран СНГ»: версия SPI200 / СоюзПравоИнформ 2003–2010.
9. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года №167-1 [Электронный ресурс] // База данных «Законодательство стран СНГ»: версия SPI200 / СоюзПравоИнформ 2003–2010.
10. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV [Электронный ресурс] // База данных «Законодательство стран СНГ»: версия SPI200 / СоюзПравоИнформ 2003–2010.
11. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года [Электронный ресурс] // База данных «Законодательство стран СНГ»: версия SPI200 / СоюзПравоИнформ 2003–2010.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // База данных «Законодательство стран СНГ»: версия SPI200 / СоюзПравоИнформ 2003–2010.
13. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 года № 222-1 [Электронный ресурс] // База данных «Законодательство стран СНГ»: версия SPI200 / СоюзПравоИнформ 2003–2010.
14. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года № 2341-III [Электронный ресурс] // База данных «Законодательство стран СНГ»: версия SPI200 / СоюзПравоИнформ 2003–2010.
15. Уголовный кодекс Эстонии от 6 июня 2001 года [Электронный ресурс]. 2001. Режим доступа: <http://estonia.newscity.info/docs/sistemsw/index.htm> (дата обращения: 23.08.2010).

Дата поступления в редакцию: 18.03.2011

УДК 343.130

А.Л. Савенок, кандидат юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

На основе анализа философской, социологической и юридической литературы раскрывается понятие социальной обусловленности уголовного закона. Отмечается, что исследования, посвященные социальной обусловленности уголовного закона, в обязательном порядке предполагают познание механизма этой обусловленности и вносят существенный вклад в разработку его эффективности. Особо обращается внимание на необходимость проведения специальных эмпирических исследований (изучение социальных норм и их оценка с точки зрения права, изучение общественного мнения по вопросам правового регулирования, выявление мнения экспертов).

On the basis of the analysis of philosophical, sociological and juridical literature the concept of social conditionality of criminal law is disclosed. It is stressed that the research devoted to social conditionality of criminal law surely supposes the knowledge of mechanism of this conditionality and bringing essential contribution to the development of its effectiveness. Special attention is paid to the necessity of carrying out of special empiric research (studying of social norms and their estimation from the point of view of law; studying of public opinion on the questions of legal regulation; revealing of the opinion of experts).

В связи с принятием Уголовного кодекса Республики Беларусь, а также необходимостью его постоянного совершенствования для отечественной уголовно-правовой науки проблема социальной обусловленности (обоснованности) уголовного закона остается одной из самых актуальных. Изучение закономерностей формирования уголовно-правовых норм создает научную основу правообразования, что позволяет избежать или значительно уменьшить количество не вызванных требованиями реальной жизни произвольных законотворческих решений. Кроме того, исследования, посвященные обусловленности уголовного закона, вносят существенный вклад в разработку его эффективности, поскольку между обусловленностью уголовного закона и его эффективностью существует тесная двусторонняя связь [11, с. 7]. Лишь изучив эффективность уголовного закона, можно в действительности узнать его обусловленность и на этой основе внести конкретные предложения, направленные на повышение его качества.

Изучение различных аспектов формирования уголовно-правовых норм началось в 70-х гг. прошлого века в СССР. В России особую интенсивность эти исследования приобрели в период реформирования уголовного законодательства в конце 80-х – первой половине 90-х гг. XX в. Вопросы обусловленности норм уголовного права рассматривались в трудах таких ученых, как И.М. Гальперин, П.С. Дагель, А.Э. Жалинский, Г.А. Злобин, С.Г. Келина, В.М. Коган, А.И. Коробеев,

В.Н. Кудрявцев, В.И. Курляндский, Н.Ф. Кузнецова, В.В. Лунев, А.В. Наумов, М.А. Сутурин, П.С. Толболкин, П.А. Фелелов, В.Д. Филимонов, А.М. Яковлев и ряд других. Что же касается Республики Беларусь, то до настоящего времени вопросы обоснованности уголовного закона комплексно не исследовались.

Проблема социальной обусловленности уголовного закона (уголовно-правовых норм) в науке уголовного права имеет относительно самостоятельное значение. При ее изучении возникают две основные задачи. Во-первых, определение того, что представляет собой социальная обусловленность уголовного закона? Во-вторых, как реализуется механизм перевода общественных интересов в уголовный закон? Эти вопросы тесно связаны с развитием права в целом и уголовно-правовой политикой в частности [14]. Поэтому их целесообразно рассматривать применительно к конкретному историческому периоду развития государства. Кроме того, существенным вкладом в исследование проблем социальной обусловленности уголовного закона и, как следствие, его эффективности стало понимание того, что успешный анализ этих проблем предполагает предварительное изучение социальной ценности правовых норм [22] и их истинности [1].

Изучение социальной обусловленности уголовного закона предполагает определение предмета исследований. Как представляется, таким предметом являются те социальные факторы неправового характера, которые оказывают воздействие на его создание и развитие. Формируясь на основе существующих фактических отношений, уголовный закон отражает различные социальные факторы в виде уголовно-правовых норм. Насколько правильно в уголовном законе отражены требования жизни, соответствует ли он реальному положению вещей, способствует ли предупреждению совершения преступлений, охраняет ли те общественные отношения, которые должны подлежать охране, – все эти вопросы, по справедливому замечанию В.Н. Кудрявцева, являются частью проблемы социальной обусловленности уголовного закона и порожденных им правоотношений [9, с. 67].

В уголовно-правовой литературе отмечается, что обусловленность уголовного закона заключается в раскрытии идеологических, экономических, нравственных, психологических и иных факторов, вызывающих необходимость существования уголовного закона и прогнозирования его развития [21, с. 7]. Отсюда очевидна ее актуальность. Однако еще в недавнем прошлом Н.Ф. Кузнецова справедливо указывала, что о «социальной обусловленности (обоснованности) уголовного закона не написано ничего» [10, с. 43]. Поэтому необходимой конкретизации исследований в данном направлении, превращении изучения социальной обусловленности уголовно-правовых норм в практически работающий инструмент еще пока не сделано. Не лучшим образом обстоят дела и в юридической науке в целом. Как верно заметил Л.И. Спиридонов, социально-экономическая обусловленность права юридической наукой лишь только констатируется, декларативно признается, а механизм этой связи конкретно не показан и адекватного описания не имеет [20, с. 10].

Адекватность законодательства общественным отношениям ранее изучалась в русле марксистского учения о праве. Всем юристам хорошо знакомы слова К. Маркса о том, что законодатель «должен смотреть на себя как на естествоиспытателя. Он не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений. Мы должны были бы бросить упрек законодателю в безграничном произволе, если бы он подменил сущность дела своими выдумками» [16, с. 162]. Следовательно, как верно указывает Т.В. Кленова, социальная обусловленность уголовного закона предполагает его принятие с учетом выявленных закономерностей развития общественных отношений, реальной социально-экономической ситуации [7, с. 20]. Чем адекватнее те или иные нормы законодательства объективной необходимости, тем четче срабатывает этот механизм без особого вмешательства организованного принуждения. Иными словами, социальная обусловленность норм уголовного права характеризуется степенью адекватности отражения в уголовном законе потребностей общества в уголовно-правовой охране наиболее важных отношений с учетом тенденций общественного развития. Поэтому при подготовке и принятии нормативных правовых актов, в том числе и уголовного закона, необходимо всесторонне учитывать объективные процессы развития общества, поскольку, прежде чем право начинает ока-

зывать влияние на его развитие, оно само порождается им. Следовательно в самом общем виде социальную обусловленность уголовного закона можно представить как его соответствие объективным потребностям и тенденциям общественного развития.

Изучение социальной обусловленности уголовного закона предполагает познание механизма этой обусловленности. Касаясь данной проблемы, Г.А. Злобин указывает, что «если исходить из современного состояния и потребностей теории уголовного права, то мы увидим, что в связи с проблемой криминализации главная задача теории состоит не в обосновании факта социальной (в конечном счете экономической) обусловленности закона, а в раскрытии способа, механизма, с помощью которых осуществляется „перелив“ общественной потребности в норму уголовного права» [18, с. 203]. При этом отметим, что процесс криминализации весьма сложен и является частью другой, более общей проблемы, именуемой правообразованием [19].

Для изучения механизма перевода общественных интересов в уголовный закон важным является проведение специальных эмпирических исследований. Выделяют три направления работы по обеспечению социальной обусловленности законодательства: 1) изучение складывающихся на практике фактических социальных норм и их оценка с точки зрения права; 2) изучение общественного мнения по вопросам правового регулирования; 3) выявление мнения экспертов [12, с. 179].

Социальные нормы представляют собой те основные формы и средства, с помощью которых осуществляется регуляция поведения и общественных отношений людей. Их выделяют по сферам ценностей: идеологических, политических, экономических, правовых, эстетических, моральных, организационных и др. [4, с. 39]. Кроме указанных в литературе выделяют и иные социальные нормы [13, с. 153]. В концентрированном виде они выражают объективную потребность любого общества в упорядочении действий и взаимоотношений его членов, в подчинении их поведения социально необходимым правилам. Выполняя особое предназначение, социальные нормы выступают как регуляторы социализации личности, элементы общественного сознания, отображаются индивидуальным сознанием и включаются в его деятельность [3, с. 99]. Тем самым они выступают в качестве мощного фактора сознательного и целенаправленного воздействия социальной общности на образ, способ и формы жизнедеятельности людей. Иными словами, социальные нормы – это правила поведения людей.

Историческое развитие и смена различных типов и норм общественной жизни сопровождались существенными изменениями также и в системе социальной регуляции. Отмирали одни и возникали другие виды социальных норм, изменялись соотношение, взаимосвязи и формы взаимодействия социальных норм, их реальное содержание, место, роль и значение в системе социальных регуляторов, механизмы их функционирования, способы и средства их защиты. Г.В. Мальцев верно отмечает, что социальная норма – это образец, правило поведения, но по форме своей, логическому и семантическому значению она есть должествование, т. е. должное, которое отличается от того, что есть, от того, что выступает как сущее [15, с. 78]. Следовательно норма, в том числе и уголовно-правовая, есть то, что утверждается как должное, она в определенной мере не соответствует сущему. В противном случае ее существование бессмысленно.

Как представляется, наиболее разработанными в научном и логическом аспекте являются правовые нормы. Они регулируют наиболее значимые для общества сферы социальных и личностных отношений. Правовые нормы формулируются и утверждаются специальными государственными органами, устанавливаются законодательным способом, поддерживаются государством. За их соблюдением следят специально созданные организации, их санкционирование и подкрепление на всех этапах обеспечивается государственной властью. В последние годы все чаще нормы иных отраслей права выступают в качестве определенных условий, обуславливающих принятие (отмену) уголовно-правовых норм. Об этом ярко свидетельствует возросшее в УК количество бланкетных диспозиций.

В то же время право, в том числе и уголовное, при всей своей относительной самостоятельности, как и все иные виды социальных норм, осуществляет собственные специфические регулятивные функции не изолированно и обособленно, а в едином комплексе и в тесном взаимодействии с другими социальными регуляторами. Так, например, не только нормам морали требуется определенная защита со стороны государства, но и уголовному закону обязательно

необходима моральная поддержка, поэтому поиски оптимальных вариантов сочетания правовых форм воздействия с регулятивными возможностями других социальных норм являются одной из центральных задач уголовно-правовой политики.

Особый интерес в контексте рассматриваемой нами проблемы представляют прежде всего те формирующиеся в процессе реальной жизни социальные нормы, которые по своей природе и регулятивным свойствам носят правовой характер, однако в силу определенных причин еще не облечены в форму уголовно-правовых норм. В этих условиях очень важно отслеживать процессы нормативной саморегуляции общества с тем, чтобы своевременно получать необходимую информацию о значимых с точки зрения права социальных нормах, стихийно складывающихся на практике. Такую информацию в целях ее оценки и реализации следует незамедлительно доводить до законодателя.

Однако юридико-социологические исследования подобного рода требуют прежде всего наличия критерия для определения правовой природы социальной нормы. В западной социологии права подробный критический анализ различных подходов к решению этой проблемы проведен известным французским специалистом в данной области Ж. Карбонье, который отметил следующее: «Вывод о том, что в современных обществах существуют две системы норм – юридические нормы и все остальные неюридические социальные нормы, требует найти разграничительный критерий. Поскольку в общей массе норм юридические нормы обладают особой спецификой, следует прежде всего искать то, что является отличительным признаком правового» [6, с. 164].

Подробно рассмотрев существующие теории, Ж. Карбонье отметил, что их принципиальным недостатком является то обстоятельство, что авторы этих теорий хотят найти искомым критерий в сфере применения, реализации норм, между тем как задача состоит в поиске тех существенных черт самого права, которые как раз и должны определить специфику его реализации. К сожалению, он сам также четко не сформулировал собственного теоретического критерия, позволяющего отличать правовые нормы от иных социальных норм. Рассматривая примеры из книги Р. Иеринга «Юриспруденция обыденной жизни», он указывает, что если приглашенная на ужин женщина прячет в карман поданное на стол печенье или гость тайком уносит со стола бутылку вина, это не относится к сфере права. «Серьезность вреда, – пишет Ж. Карбонье, – вот что может образовать наиболее убедительный предел юридического» [6, с. 174].

Как представляется, использованный Ж. Карбонье термин «серьезность вреда» можно отнести применительно к УК с термином «общественная опасность», поэтому полностью согласиться с такой трактовкой проблемы нельзя. В отрыве от других характеристик ситуации и деяния сама по себе «серьезность вреда» не может превратить простое деяние в преступление. Как известно, этот признак может приобрести правовое значение лишь в случае, когда наличествуют и все другие характеристики юридически значимой ситуации и имеются уже необходимые формальные признаки преступления. «Серьезность или несерьезность вреда, – верно замечает В.В. Лапаева, – это уже юридическая оценка последствий того или иного правонарушения, а не его исходное фактическое свойство. Не серьезность вреда определяет право, а право определяет серьезность вреда. Критериальное значение, таким образом, остается за правом, а не за „серьезностью вреда“» [12, с. 183].

Об условности границы между преступным и непроступным справедливо указывалось в литературе. Она прослеживается как применительно к объективным, так и к субъективным признакам состава преступления. Общий принцип, выраженный в УК в виде нормы о том, что не является преступлением действие или бездействие, формально содержащие признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не обладающие общественной опасностью, присущей преступлению, – есть отражение этого условного характера границ преступления. Определение границ общественной опасности, ее минимального предела, за которым «следует» преступление, есть всегда оценочное суждение, отделяющее в идее то, что в реальности существует в виде постепенного перехода (тяжесть телесных повреждений, размер материального ущерба, степень способности лица сознавать значение своих действий и руководить ими и др.). Уголовный закон должен с неизбежностью стремиться к тому, чтобы однозначно определять границу между преступным и непроступным, право-

мерным и противоправным. По своей сути он дихотомичен: либо есть преступление, либо его нет. Если же в уголовном законе правовые нормы изложены не точно и не неоднозначно – их применение становится проблематичным. Отсутствие четких критериев и границ на практике неизбежно приводит к ошибкам. Кроме того, размывание границ между преступным и не-преступным может отрицательно сказаться на состоянии морали в обществе, а также его правосознании.

Значительным вкладом в изучение социальной обусловленности уголовного закона является проведение социологических исследований. Вряд ли возможно совершенствовать уголовное законодательство, не опираясь на эмпирическую основу. Социологические исследования служат как бы компасом для выбора оптимальных и эффективных решений, особенно там, где возможности мыслительного расчета ограничены ввиду бесчисленного многообразия факторов, воздействующих на регулятивную деятельность государства. Особое значение приобретают в связи с этим конкретно-социологические исследования. Первоначально такие исследования в праве были направлены главным образом на изучение и обобщение практики. Часто это приводило к тому, что их выводы и результаты являлись лишь иллюстрацией к известным теоретическим положениям. К сожалению, в отдельных случаях подобная практика еще сохраняется и в настоящее время. Порой конкретно-социологические исследования сводят лишь к какому-то одному приему, например к анкетированию, а любое анкетирование подчас именуется конкретно-социологическим исследованием. Как справедливо указал В.И. Никитинский, «кажущаяся простота анкетирования породила опасную иллюзию, будто каждый теперь располагает надежным способом открывать общественные закономерности. Достаточно, мол, раздать анкету и выявить, как распределяются мнения опрошенных» [17, с. 31]. При составлении вопросов анкет и разработке программы исследований часто не учитываются психологические факторы, благодаря чему оценка, даваемая анкетиремым, может существенно отличаться от действительной. Нужно обязательно учитывать то обстоятельство, что предметом конкретно-социологических исследований действия права являются не сами по себе юридические нормы, предусмотренное ими должное или возможное поведение, а фактическое поведение людей. В то же время предметом правоведения выступает не фактическое поведение людей, а должное поведение, установленное нормой права. Иначе говоря, социологический и отраслевой юридический подходы имеют разные предметы исследования.

Современные конкретно-социологические исследования в уголовном праве не должны замыкаться только на анализе и обобщении тех или иных аспектов юридической практики. Важным является изучение общественного мнения по вопросам правового регулирования, поскольку эффективность закона во многом зависит от его признания социальными общностями, группами и отдельными личностями. Изучение общественного мнения (правосознания) тех социальных групп и слоев населения, на которых будет распространяться действие отдельной уголовно-правовой нормы или всего уголовного закона, является наиболее эффективным методом обеспечения баланса различных интересов. В.П. Казимирчук и В.Н. Кудрявцев пишут, что «социологическое обеспечение работы над проектом нормативного акта должно быть направлено на выявление меры согласия с основными положениями законопроекта той части общества, интересы которой он затрагивает. Момент согласия, поиска консенсуса в обществе имеет принципиальное значение для законотворчества. Ведь закон – это общая норма, выражающая всеобщий интерес. Поэтому объективная природа законотворческого процесса требует согласования воли и интересов, которое могло бы обеспечить устойчивость и стабильность социальной системы» [5, с. 60]. Говоря иными словами, уголовный закон – это всегда компромисс. Волюнтаристский подход, учитывающий интересы лишь отдельных сторон, не приводит к желаемому результату. «Основной причиной сомнительных новелл в УК, – пишет А.В. Барков, – является ведомственный подход, когда УК рассматривается не как правовая основа уголовной политики государства, а используется в качестве инструмента решения прикладных проблем правоохранительных органов» [2, с. 12].

Социологические исследования по изучению общественного мнения, в том числе и те, которые направлены на совершенствование уголовного закона, при умелой организации являются достаточно надежным инструментом уголовно-правового законотворчества. Однако эти

исследования должны соответствовать определенным требованиям, обязательно учитывать так называемый предел компетентности населения. Уголовный закон не может быть формой непосредственного волеизъявления народа. Законодатели должны знать общественное мнение, но принимать законы не по требованию, а в интересах людей [8, с. 851–852]. В этом случае уголовный закон будет являться не столько отражением общественного правосознания, сколько его источником. Следовательно изучение общественного мнения является важным инструментом действенности уголовного закона. Потому следует согласиться с высказанным мнением о том, что правовые нормы, в содержании которых не учтены общественное мнение, интересы и ожидания, заранее обречены на неэффективность [19, с. 55].

При изучении социальной обусловленности уголовного закона особое значение имеет также выявление мнения экспертов. Оно заключается в получении, обработке и интерпретации суждений специалистов в какой-либо отрасли знаний или практической деятельности по конкретным вопросам. Как правило, отбирается достаточно ограниченная группа экспертов-специалистов (не более 20–30 человек) и с ними проводится интервью либо им раздаются вопросники для заполнения. Результаты этой работы могут обнаружить нетрадиционные подходы, оригинальные взгляды и суждения, существенно помогающие в процессе правотворчества.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод, что социальная обусловленность уголовного закона – это его соответствие объективным потребностям и тенденциям общественного развития. Исследования, посвященные обусловленности уголовного закона, предполагают познание механизма этой обусловленности и вносят существенный вклад в разработку его эффективности.

Библиографические ссылки

1. Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов : Сарат. ун-т, 1989.
2. Барков А.В. Принципы уголовного закона и законотворческая практика // Эффективность уголовной юстиции в контексте верховенства права : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 17 окт. 2003 г. / БГУ ; редкол.: А.В. Барков (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2003.
3. Бибило В.Н. Социальные нормы в деятельности суда // Весн. БДУ. Сер. 3. 2005. № 3.
4. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М. : Наука, 1978.
5. Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н. Современная социология права : учеб. для вузов. М. : Юрист, 1995.
6. Карбонье Ж. Юридическая социология / пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. М. : Прогресс, 1986.
7. Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 2001.
8. Кленова Т.В. Принципы кодификации уголовно-правовых норм // Кодификация законодательства: теория, практика, техника : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Н. Новгород, 25–26 сент. 2008 г.) / под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД России : Торгово-пром. палата Нижегород. обл., 2009.
9. Кудрявцев В.Н. Социология, право и криминология // Совет. государство и право. 1969. № 2.
10. Кузнецова Н.Ф. Социальная обусловленность уголовного закона // Правовые исследования: к 70-летию со дня рождения Т.В. Церетели : сб. науч. ст. Акад. наук Груз. ССР / Ин-т экономики и права ; редкол.: Г.Е. Жвания (гл. ред.) [и др.]. Тбилиси, 1977.
11. Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве. М. : Юрид. лит., 1987.
12. Лапаева В.В. Социология права / под ред. В.С. Нерсисянца. М. : Норма, 2000.
13. Лейст О.Э. Сущность права: проблемы теории и философии права. М. : Зерцало-М, 2002.
14. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009.
15. Мальцев Г.В. Понимание права: подходы и проблемы // Право и образование. 2002. № 3.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. Т. 1.
17. Никитинский В.И. Конкретно-социологические исследования и совершенствование законодательства о труде // Совет. государство и право. 1968. № 6.
18. Основания уголовно-правового запрета : (Криминализация и декриминализация) / В.Н. Кудрявцев [и др.] ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М. : Наука, 1982.
19. Соколова А.А. Социальные аспекты правообразования. Минск, ЕГУ, 2003.
20. Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М. : Юрид. лит., 1986.
21. Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983.
22. Фаткуллин Ф.Н., Чулюкин Л.Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1977.

Дата поступления в редакцию: 28.02.2011